

СОПОСТАВЛЕНИЕ СЕМИОТИЧЕСКОЙ И РИТМОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ РИТМА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ЗНАКОВЫХ СТРУКТУР

Д. Л. Шкарин¹, Е. В. Шелестюк²

¹Центр развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Сопоставляются ритмологическая и семиотическая интерпретации статуса знаковых структур с целью обнаружения как общих моментов, так и уникальной специфики ритмологической трактовки знака, ритма и языка. Авторы показывают, что полноценное теоретическое осмысление практик ритмологии требует учета внутренних онтологических установок, составляющих ритмологическую картину мира.

Ключевые слова: *знак, ритм, язык, трансформатив, ритмология, психолингвистика, семиотика, дискурсивная практика.*

«Ритмометод 7P0», являясь комплексом дисциплин, объединенных общей методологией изучения отношений человека и времени, по своему внешнему характеру может напоминать оригинальную психотехническую практику, построенную на психолингвистических и семиотических основаниях. Этому прежде всего способствует то обстоятельство, что в основу метода заложено понятие ритма как темпоральной языковой структуры. На этих основаниях Е. Д. Лучезарновой (Марченко) разработана комплексная дисциплина, которая позволяет в рамках локальных процедур решать различные практические задачи, подробные данные по которым приводятся в монографии О. В. Алимовой и Н. Т. Цимакуридзе «Опыт применения Ритмометода 7P0 Евдокии Лучезарновой. По материалам качественных и количественных исследований» [1]. Согласно проведенным исследованиям на выборке из 702 человек в 2016—2017 гг. у респондентов, отобранных по возрастным, социальным, профессиональным и прочим признакам, получены статистически значимые показатели изменения общего физического, эмоционального и интеллектуального состояний при регулярном обращении к ритмометоду. Кроме этого, выявлены и качественные изменения в самих жизненных ситуациях опрошенных респондентов.

Основную сложность при содержательной интерпретации полученных данных составляет расхождение между онтологическими представлениями автора метода и общепринятой картиной мира, формирующейся внутри естественных наук и оказывающей, в свою очередь, влияние на гуманитарное знание. В то же время более глубокое по-

гружение в содержание метода показывает, что он имеет ряд качественных отличительных особенностей, которые требуют во избежание редуционистских эффектов своего обязательного учета при анализе ритмологии в русле семиотических и психолингвистических подходов. В данной статье мы выделим серию специфических моментов, которые необходимо учитывать при неритмологической интерпретации таких традиционных семиотических понятий, как знак, ритм, язык, в контексте их использования внутри ритмологического дискурса. В дальнейшем мы будем обозначать принадлежность ритмологическому дискурсу написанием термина с прописной буквы.

В качестве методологического подхода мы используем герменевтический метод воссоздания картины мира, стоящей за текстом, на основе авторских интерпретаций. Это наиболее экологичный способ приближения к аутентичному пониманию локального дискурса без редукции его к внешним онтологиям. Таким образом, приведенные ниже рассуждения имеют характер предварительных гипотез и эвристик, которые могут быть полезны при выстраивании методологии дальнейших исследований.

Ритмологический статус Ритма в свете семиотики

В лингвистическом аспекте ритм представляет собой ритмизованный текст под авторством Е. Д. Лучезарновой, выполненный в жанре свободного стиха и приближенный к стилистике поэтических текстов серебряного века русской поэзии. В Ритмах можно найти множество стилистических

и тематических переключек с традициями символизма, футуризма и современного авангардного искусства, а также выделить новаторские приемы и мотивы, отражающие уникальные черты авторского стиля.

Тематическое содержание Ритмов крайне разнообразно и охватывает широкий спектр явлений — от отдельных философских размышлений и описания локальных исторических событий до воссоздания эволюции в космологических масштабах. В качестве примера возьмем лаконичный ритм «Светопись»:

СВЕТОПИСЬ

Священное перо имеет отраженье.

Бессильна тень,

держащая перо желанием опоры.

Светописью писанное исполнится.

1.10.96 [5. С. 184]

Приведенный пример Ритма имеет непривлекательную структурную организацию и прозрачный образный строй, позволяющий даже неподготовленному читателю без труда достраивать смысловые и ассоциативные связи, находить собственные решения от схватывания буквального смысла описываемой ситуации до воссоздания сложных метафорических соответствий в рамках очевидной темы причинно-следственных отношений. Если к тому же читатель имеет более близкое отношение к «методу 7P0», то он сумеет найти и дополнительные смысловые переключки с общим контекстом метода, его понятийной базой и картиной мира, включая представления о световой вселенной, законах отражения и первопричинах. Кроме того, у него появляются дополнительные возможности использования Ритма в специфических дискурсивных практиках ритмометода. Иными словами, до этого момента все предельно понятно, и общая линия анализа ничем принципиально не отличается от линии анализа любой другой знаковой структуры внутри определенной дискурсивной практики. Но, как ни странно, эта линия проходит мимо сущности Ритма как такового.

Основное отличительное свойство Ритмов кроется не в их языковом или содержательном своеобразии, а в особом онтологическом статусе Ритма, как он постигается в рамках «метода 7P0». Согласно этому методу, языком Ритмов говорит сам космос. Это означает, что Ритмы не только не являются случайным порождением человеческого творчества, но, наоборот, световая вселенная творится ими. В соответствии с ритмологической онтологией управляющей субстанцией всей материальной

вселенной является время (понятое особым образом как самосушащая реальность). Ритмы являются собой чистую субстанцию ритмовремени, извлекаемую ими из событийного времени и оформленную в словах. В этом плане в отличие от обычных текстов Ритм имеет двойную природу. Одной стороной он полностью совпадает со знаковыми структурами обычной человеческой речи и соответствует нормам языкового употребления, другой стороной Ритм выходит и выводит за пределы проявленной вселенной в вечность, где словесная форма как таковая становится излишней. Ритм переоформляется в чистую субстанцию лучевой вселенной, в терминологии Е. Д. Лучезарновой. Луч же в отличие от световых и звуковых волн мгновенен и не нуждается в пространственно-временных развертках.

Именно эта двойственная природа Ритма и составляет основную сложность при его стандартной семиотической интерпретации. Под стандартной процедурой мы подразумеваем установление однозначных соответствий в связке «имя — значение — предмет», где язык рассматривается прежде всего как орудие мышления (инструмент наименования, абстрагирования и категоризации опыта). Этот предельно обобщенный вариант рассмотрения знаковой системы преимущественно выявляет номинативные отношения, сводящиеся исключительно к накоплению, передаче и хранению информации о чем-либо, что можно понимать как внешнее условное *отношение отражения и выражения*. Так появляется и закрепляется традиционный семантический треугольник, инвариантно просвечивающий через разнообразные модели языковой единицы: знак — значение / план выражения — смысл / план обозначения (Г. Фреге), термин — интенционал / содержание понятия — экстенционал / объем понятия (Ф. Карнап), слово — понятие / сигнификат — денотат / предмет (Ч. Огден, А. Ричардс) [9]. Поскольку в различных семиотических моделях идентичные термины зачастую смещены относительно друг друга, мы будем использовать максимально упрощенную, унифицированную модель знака: имя — значение — предмет, упуская более тонкие различия наподобие коннотативного значения.

Если первая, знаковая сторона Ритма (Ритм как знаковая структура) легко раскладывается в рамках привычных семиотических моделей, построенных по принципу классического треугольника (имя — значение — предмет) в различных его вариациях, то вторую сторону Ритма (Ритм как время) сред-

ствами традиционной семиотики и лингвистики уловить непросто. Рассмотрим более детально, с чем связаны эти трудности.

Прежде всего ритмологическая интерпретация Ритма предельно далека от номинативной стороны знака и соответствующей ей проблематики *внешнего отношения* языка и мира. В книге «Знакомься, знак! Знакомьтесь — знаки!» Е. Д. Лучезарнова определяет Ритм как «звуко-буквенно-словарно-информационный блок, содержащий в себе время» [Цит. по: 5. С. 3]. Из первой части определения следует, что Ритм может трактоваться как информационный блок в рамках только что рассмотренного треугольника, то есть как традиционная семиотическая система. Вторая же часть определения указывает на несемиотическое отношение: содержание времени. Если мы принимаем онтологический постулат ритмологии, что предметный событийный мир организуется и разворачивается в пространстве из времени, а не наоборот, то структура, организующая и содержащая в себе само время, выводится даже за пределы событийного времени. «Постепенно Ритмовремя опережает событийное время и управляет им» [3. С. 34]. Таким образом, Ритм в отличие от простой информационной системы уже не принадлежит порядку событийного мира, хотя и организует его. В этой связи возникает естественный вопрос, какой тип семиотических отношений связывает Ритм со временем и являются ли они семиотическими. В книге «Ритмология: неделю за неделю» мы встречаем следующий ответ: «Ритм — время, оформленное в оболочку пространства, знаний, памяти, энергии, информации, то есть в оболочку своих соседей» [6. С. 3]. Таким образом, мы видим два типа отношений: 1) онтологическое тождество Ритма и времени; 2) оформление этого тождества через пространство, знания, память, энергию, информацию. Ни то ни другое отношения не являются стандартно семиотическими, то есть не опосредованы знаковыми структурами, хотя и выполнены на материале естественного языка. Другими словами, данные отношения никак не выводятся из формальной и содержательной структуры Ритма. В приведенном примере Ритма «Светопись» связь «Ритм — время» не задается ни его организацией, ни содержанием, даже если мы и построим вполне конкретные смысловые связки относительно того, что говорится в тексте, посчитав, например, Ритм автореферентным, то есть говорящим о себе самом. В этом варианте Ритм сам ставит читателя в положение «исполнения писанного». Но в любом

случае, следует признать, что Ритм определяется как Ритм безотносительно содержания текста, а онтологическая связь Ритма и времени устанавливается независимо от того, идет в тексте речь о времени или нет. В ином случае сообщение о положении дел, не являясь положением дел, остается лишь стандартным семиотическим отношением в рамках номинативной функции. Таким образом, определение особого семиотического статуса текста задается прежде всего предварительной осведомленностью об этом статусе как частью контекстуального знания вне зависимости от формы и содержания текста.

Именно потому и возможно непроизвольное удивление при сравнении стихотворения с молитвой или Ритма с поэзией, что мы предварительно уже различили между собой онтологическую природу молитвы, стихотворения или Ритма внутри определенных дискурсивных практик вне зависимости от того, что они используют одну и ту же языковую систему. Осознание глубинных оснований этих различий и есть предмет для всестороннего семиотического и психолингвистического анализа дискурсивных практик. И при таком подходе исследователь уже не волен по своему произволу определять, что имеет семиотическое значение в исследуемом объекте, а что является случайным элементом контекста. Скорее, наоборот, объект изучения должен априори пониматься как объемное явление, где нет ничего случайного. Например, указание на первое октября в датировке Ритма «Светопись» может стать основным значащим элементом при фокусировке прочтения.

В этом месте возникает еще одна ловушка, которая может затемнить суть ритмологической интерпретации Ритма. Дело в том, что поскольку семиотические отношения устанавливаются не только внутри естественных или искусственных языковых систем, то может возникнуть соблазн упрощенной семиотической интерпретации Ритма через расширенные классификации знаков, включающие внеязыковые знаки. В наиболее известной классификации Ч. Пирса знаки разделяются на иконические знаки-образы (подобия или копии означаемого), знаки-индексы (элементы означаемой ситуации, смежные в пространстве и времени) и знаки-символы (условные заместители означаемого на основе договоренности) [9. С. 66]. Поскольку языковые системы построены преимущественно из конвенциональных, условных знаков-символов, имеет смысл обратиться к неязыковым (неконвенциональным) знакам-индексам и знакам-образам,

форма которых так или иначе мотивирована онтологическими отношениями между означающим и означаемым. Так, например, мы можем указать на метафорическое восприятие реки как знака времени, и в таком случае река вступит в семиотическое отношение как иконический знак времени. Онтологизация же этого отношения может породить интерпретации в духе систем философского реализма идеалистических течений мысли и мистицизма (пифагорейская школа, платоники и неоплатоники, гностицизм). Но отношение подобия (оригинала и копии) противоречит пониманию Ритма как носителя, капсулы и гранулы времени, являющемуся центральным положением метода. Ритм не напоминает время, а сам непосредственно является временем, и это онтологический постулат ритмологии, который мы вольны принимать или не принимать, но учитывать должны обязательно. То есть Ритм не описывает и не отображает время, а собирает и распределяет его. Кроме того, сами вещи, процессы и события не являются отражениями или отображениями Ритма, словно бы он был их идеей, как и он сам не является их отражением или отображением, хотя Ритмовремя может использовать событийное время и обычные события для своего отражения и отображения. Например (развивая пример с рекой), тот факт, что прочтение Ритма совпало с созерцанием реальной реки, скажет о природе Ритма и времени в ритмологической интерпретации существенно больше, чем сложнейшие философские спекуляции на основе семантических связей текста.

Еще один вариант трактовки Ритма как знака-индекса также в определенных обстоятельствах может хорошо соотноситься с ритмологической позицией, поскольку в знаке-индексе означающее и означаемое являются причастными друг другу в рамках объективных систем отношений: часть — целое, причина — следствие, явление — свойство и т. п. Если мы показываем на наручные часы, сигнализируя собеседнику о том, что спешим, то часы мгновенно вступают в семиотические отношения как знак-индекс времени, так как имеют непосредственное отношение к измерению времени. Точно так же мелодия может явиться знаком-индексом определенных свойств времени как темпоральная структура, в которую погружено наше сознание в момент ее прослушивания. В этом смысле Ритм тоже является темпоральной, ритмической структурой, как мелодия или стихотворение, но не этот аспект делает Ритм Ритмом. Во всех перечисленных вариантах знаки представляют собой тот или

иной аспект представляемого явления, но сами системы отношений упускают основное свойство — быть онтологически тождественным времени как таковому, то есть содержать в себе саму субстанцию времени.

В этом плане необходимо подчеркнуть, что корни ритмологической системы погружены в особый тип философского мировоззрения, предлагающего радикально иные семиотические отношения в самой действительности, которые мы можем условно обозначить как манифестационизм (способность одного непротиворечиво пребывать в другом, оставаясь собой). Данный тип мировоззрения стал особенно актуален во второй половине XX в., когда революционные сдвиги в физических науках значительно пошатнули классические представления о мире. На передний план обсуждений вышли дискуссии о нелокальности, голографическом устройстве вселенной и многомировых интерпретациях квантовых парадоксов.

Но эти же парадигмы способны радикально перевернуть и многие привычные семиотические отношения. Вселенная обретает дар слова, с ней становится возможным вступить в диалог и быть услышанным. Языки и алфавиты выходят за узкие рамки исключительно человеческой коммуникации, превращаясь в трансцендентные шифры вселенной [4; 12]. То, что мы называем вещью, внезапно может стать самым символом, требующим своего уникального знакопрочтения.

Поведанная в символогии М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского история об индийце, которого не кусают змеи, поскольку он знает их символ, сегодня уже не кажется столь фантастичной в свете представлений о возможностях расширения разума за рамки человеческого [4]. Именно эта парадигма позволяет в рамках неклассических картин мира трактовать весь мир как текст, но текст, требующий владения определенными *безусловными* ключами и шифрами, безусловными не в своей догматичной всеобщности, а в плане исключительной бытийной целесообразности в рамках уникальности каждой конкретной ситуации. Соответственно, правильное семиотическое прочтение мира имеет обязательный онтологический характер, неминуемо ведущий к бытийной трансформации мира. А дискурс приобретает статус трансформатива, способный воздействовать на любые аспекты бытия, поскольку «светописьмо писанное исполнится».

Важнейшей методологической причиной слабой чувствительности инструментов традиционного семиотического анализа к возможностям парадиг-

мы манифестационизма, на наш взгляд, является укорененная экстравертированная установка новейшей европейской технократической цивилизации, коррелирующая с инструментальным и потребительским отношением к миру, что неминуемо оборачивается для человека инструментализацией и собственного разума, становящегося нечувствительным к непредсказуемой и многоплановой игре бытийных потоков. В результате многие тонкие различия внутри разума, очевидные для культур с богатым медитативным опытом, либо не замечаются, либо отбрасываются как мистические и паралогические. Поэтому в современных гуманитарных науках до сих пор царит путаница в вопросах определения сознания, различения мышления и сознания, не говоря уж о систематическом исследовании уровней сознания, которые, по странной логике европейской цивилизации, наиболее полно изучаются в своих дисфункциональных аспектах в психиатрическом дискурсе. По этой же причине многоуровневые и многомерные пространства разума, открываемые ритмологией, не говоря уж о нюансировке восприятия непроявленных реальностей, отражаемых в знаковых структурах, либо остаются без внимания, либо редуцируются к простейшим феноменам самовнушения, либо инструментализируются подобно технологиям нейролингвистического самопрограммирования.

Таким образом, описывая изоморфизм и эквивалентность знаковых структур в «методе 7P0» структурам естественных языков (поэтическим текстам, романам, аффирмациям, молитвам, алфавитам, правилам знаковых преобразований и т. д.), необходимо помнить о вторичности этих соответствий, поскольку первичным системообразующим отношением является именно живое онтологическое отношение ритмоязыка и времени, вывести которое из семиотики знаковых систем средствами самой семиотики пока не представляется возможным.

Важно отметить, что любая знаковая система, именуемая предметный мир, сама вписана в порядок этого же предметного мира, за счет чего позволяет надстраивать над собой неограниченное число метаязыковых уровней. В результате может возникнуть соблазн трактовать язык ритмологии как вторичную языковую систему (искусственный язык), надстраиваемую над естественным языком за счет трансформации, перекодирования и расширения его исходных элементов, но в рамках все той же самой предметной логики, что будет

явным редуктивным упрощением самой сути явления, сведением всего нового к уже известному [2; 10; 11]. Методология же, построенная на принципе *сведения неизвестного к уже известному*, рискует превратиться в «бессильную тень, держащую перо желанием опоры», когда объект интерпретации постоянно ускользает от средств его фиксации. И единственным способом вернуть его становится внимательное следование за объектом.

В настоящее время в философском и методологическом дискурсе все чаще раздаются голоса, что постулат о произвольности знака и условности речи постепенно заточил человека в тюрьму бесконечной симуляции самого себя в окружении собственных же симулякров. Приведем в завершение созвучное размышление отечественного философа А. Н. Павленко из его работы «Пределы интересубъективности. Критика коммуникативной способности обоснования знания». А. Н. Павленко предложил различать слова-вещи, относящиеся к живому человекомиру и произвольные формальные знаки, поскольку «коммуникация стимулирует появление «ощущения произвольности наименования». Произвольности в том смысле, что сначала — в рациофундаментализме Декарта — роль «мира» в этом деле заменили человеку его собственный разум и рассудок, а в коммуникативной программе — где разум и рассудок поражены в своих правах — предпочтение отдается «коммуникативной практике», то есть коммуникативному действию. А какое отношение имеет коммуникация к обсуждаемой классификации слов и знаков? Думается, прямое. В самом деле, если праязык человекомира позволял общаться человеку со всем миром и его частями, то после его разрушения и сама коммуникация замыкается на «человеческой и только человеческой коммуникации». Сама современная коммуникация осуществляется под знаком антрополатрии» [8. С. 159].

Антрополатрия, понимаемая здесь как абсолютизация антропоцентризма, проявление человеческого эгоцентризма и высокомерия, на самом деле не возвышает, а нивелирует человека, обедняя его жизненные потенции. Отмечается прогрессирующее отчуждение человека от мира, когда живое общение с миром все чаще подменяется заикливанием на воспроизводстве стандартных и зачастую огрубленных коммуникативных клише массовой культуры. В этом контексте сам посыл научиться слышать Вселенную и говорить с ней на ее же языке начинает обретать новое гуманистическое звучание.

В противовес упрощенным семиотическим средствам коммуникации человека «метод 7P0», как представляется, наполнен знаковыми системами, включающими многоуровневые высокоорганизованные ритмоязыки с собственными алфавитами и правилами их преобразования, эволюционирующие иерархии Ритмов, тщательно продуманные

практики использования Ритмовремени, многообразные живые словесные субстанции и формы знакопрочтения. Поэтому, на наш взгляд, «метод 7P0» представляет определенный интерес как многомерный объект для дальнейших исследований в русле семиотики, дискурсивного анализа и психолингвистики.

Список литературы

1. Алимova, О. В. Опыт применения Ритмометода 7P0 Евдокии Лучезарновой. По материалам качественных и количественных исследований / О. В. Алимova, Н. Т. Цимакуридзе. — СПб. : Петрополис, 2019. — 104 с.
2. Лучезарнова, Е. Д. Откровенное знакомство. Т. 1. / Е. Д. Лучезарнова. — СПб. : Ритмовзлёт, 2015. — 216 с.
3. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1997. — 224 с.
4. Марченко, Е. Д. Звездные ритмы времени. Т. 5 / Е. Д. Марченко. — СПб. : РАДАТС, 2008. — 256 с.
5. Марченко, Е. Д. Знакомья, знак! Знакомьтесь — знаки! / Е. Д. Марченко. — М. : Ритм 25, 2010. — 224 с.
6. Марченко, Е. Д. Ритмология: неделя за неделей 1. Человек, умеющий читать / Е. Д. Марченко. — СПб. : РАДАТС, 2008. — 280 с.
7. Павленко, А. Н. Пределы intersubjectivity (критика коммуникативной способности обоснования знания) / А. Н. Павленко. — СПб. : Алетей, 2012. — 280 с.
8. Степанов, Ю. С. Семиотика: Антология / Ю. С. Степанов. — М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2001. — 702 с.
9. Тарасенко, В. В. Фрактальная семиотика / В. В. Тарасенко. — М. : Либроком, 2009. — 232 с.
10. Шилов, С. Е. Риторическая теория числа / С. Е. Шилов. — М. : ЛЕНАНД, 2013. — 800 с.
11. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. — М. : Новое лит. обозрение, 2017. — 1100 с.

Сведения об авторах

Шкарин Дмитрий Леонидович — методист центра развития тренинговых технологий, Екатеринбург, Россия. shkarindmit@yandex.ru

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2020. No. 3 (437). *Philology Sciences. Iss. 120. Pp. 139—145.*

COMPARISON OF THE SEMIOTIC AND RHYTHMOLOGICAL INTERPRETATION OF RHYTHM AND RELATED SIGN STRUCTURES

D.L. Shkarin

Centre for the development of training technologies, Yekaterinburg, Russia. shkarindmit@yandex.ru

E.V. Shelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

The article compares the semiotic and rhythmological (7P0 Rhythm Method) interpretation of the Rhythm verse. Interest to the semiosis of Rhythm is dictated by two considerations. First, sign-symbolic structures have an important ontological significance in the verbally expressed rhythmological picture of the world, repre-

sented in numerous works of E.D. Luchezarnova. Secondly, the specific practices included in the 7P0 Rhythm Method are semiotic procedures associated with various types of manipulation with sign-symbolic structures. At the same time, we observe that the use of semiotic terms within rhythmology often implies a radical redefinition of relatively significant meanings, combining the ontological and semiotic understanding of relevant concepts. The article proves that a full theoretical understanding of such a complex systemic object as rhythmology requires taking into account the internal ontological settings that make up the rhythmological picture of the world, which, in turn, may sophisticate the use of semiotic tools.

Keywords: *sign, rhythm, language, transforming, rhythmology, psycholinguistics, semiotics, discursive practice.*

References

1. Alimova O.V., Tsimakuridze N.T. *Opyt primeneniya Ritmometa 7R0 Evdokii Luchezarnovoj. Po materialam kachestvennyh i kolichestvennyh issledovanij* [Experience with the use of the 7P0 Rhythm Method by Evdokia Luchezarnova. Based on materials of qualitative and quantitative research]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2019. 104 p. (In Russ.).
2. Luchezarnova E.D. *Otkrovennoe znakomstvo. T. 1* [Frank introduction. Vol. 1]. St. Petersburg, Ritmozlyot, 2015. 216 p. (In Russ.).
3. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [The Character and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoj kul’tury”, 1997. 224 p. (In Russ.).
4. Marchenko E.D. *Zvezdnye ritmy vremeni. T. 5* [Stellar rhythms of time. Vol. 5]. St. Petersburg, RADATS, 2008. 256 p. (In Russ.).
5. Marchenko E.D. *Znakom’sya, znak! Znakom’tes’ — znaki!* [Meet the sign, meet the signs]. M., Ritm 25, 2010. 224 p. (In Russ.).
6. Marchenko E.D. *Ritmologiya: nedelya za nedelej 1. Chelovek, umeyushhij chitat’* [Rhythmology: week after week 1. A man who can read]. St. Petersburg, RADATS, 2008. 280 p. (In Russ.).
7. Pavlenko A.N. *Predely intersub’ektivnosti. Kritika kommunikativnoj sposobnosti obosnovaniya znaniya* [The limits of intersubjectivity. Criticism communication skills for the justification of knowledge]. St. Petersburg, Aletejya, 2012. 280 p. (In Russ.).
8. Stepanov Yu.S., Proskurin S.G. *Konstanty mirovoj kul’tury. Alfavitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constant of the world culture. Alphabets and alphabetic texts in the period of the dual religion]. Moscow, Nauka, 1993. 156 p. (In Russ.).
9. Tarasenko V.V. *Fraktal’naya semiotika* [Fractal semiotics]. Moscow, Librokom, 2009. 232 p. (In Russ.).
10. Shilov S.E. *Ritoricheskaya teoriya chisla* [Rhetorical number theory]. Moscow, LENAND, 2013. 800 p. (In Russ.).
11. Epshtejn M.N. *Proektivnyj slovar’ gumanitarnyx nauk* [Projective dictionary of Humanities]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 1100 p. (In Russ.).